

КРАЕНЫЙ СЕВЕР

ежедневная газета.

Орган Вологодских: Губ. Комитета РКП(б), Губ. Исполнительного Комитета С. Р. К. и Кр. Д. и Губ. Совета Проф. Союзоз.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ: г. Вологда, ул. Урицкого, 2.

ТЕЛЕФОНЫ: { редакция—193, конторы—363, редактора—132

Сегодня в номере:

Подробности суда и казни тов. Гибнера, Книевского и Рутковского.
Преследование болгарских рабочих во Франции. Правые парижские газеты требуют репрессивных мер против пребывания во Франции нежелательных иностранцев.
Забастовка английских моряков. В забастовке участвуют 15,000 моряков.
20 августа германские рабочие повстали тов. Зиновьева и вели беседу о германской социал-демократии.

№ 192—(1880).

Во кресенье, 23 августа 1925 г.

Цена № 4 коп.

Против белого террора! Против расстрелов революционных рабочих! Против провокации! Против польских буржуазных палачей! ВСЕ НА УЛИЦУ! ВСЕ НА ДЕМОНСТРАЦИЮ!

Свершилось...

Склоните боевые знамена над свежими кровавыми знаменами польских рабочих коммунистов—Гибнера, Рутковского, Книевского!
Мировой пролетариат понес новые жертвы! Трое молодых борцов, трое полных энергии, сил и ненависти к буржуазии рудой польских палачей вырваны из рядов пролетариата.
Еще несколько дней тому назад эти революционеры-коммунисты были в ваших рядах, боролись вместе с вами. Сегодня же они растерзаны! Польская буржуазия, как ворон, впились своими грязными когтями в трупы расстрелянных борцов за дело рабочего класса, за дело освобождения мирового пролетариата из под капиталистического ига.

Выше красные боевые знамена!
Тяжелые черные тучи нависли над Польшей. Каждый новый день, каждый час, там, в этой демократической стране, совершаются преступно-гнусные злодеяния над революционным рабочим классом. Каждый шаг рады польских пролетариев редает, из них вырастают все новых и новых бойцов, новые жертвы. Предатели рабочего класса, польские меньшевики, поговаривают, помогают буржуазии в ее расправе над рабочими и крестьянами. Панские саги, продажная мразь-провокаторы, как голые псы, подстерегают за каждым углом, из-под каждой подворотни, каждого революционно-настроенного рабочего, хватают грызу!

Белый террор в панской Польше невыносим! Буржуазное правительство ведет систематическое уничтожение революционно-мыслящих рабочих: путем подкупа, путем провокации, путем убийств, старается расстрелять ряды пролетариата.

Мы были недавно свидетелями расстрела молодого рабочего-коммуниста—Ботвина за убийство провокатора, расстрела, за то, что этот рабочий не мог смириться с тем, что провокатор своей предательской работой принесил смертельный вред всему рабочему классу. Теперь, за покушение только, а не за убийство, на этого же

провокатора, расстреляны еще трое революционеров,—да провокаторы, который даже не числился на службе в охранке, как бы, своего рода «читаемые» агенты.

Протесты против шанса кого буржуазного суда пролетариата всех стран, протесты научных ученых писателей и т. д., не остановили руки польской буржуазии, занесенной над головами рабочих бойцов. Она опустила... Проклятие палачам! Проклятие убийцам!

«Существующая теперь Польша—сказал в своем последнем слове в суде Гибнер— является буржуазным государством, в котором положение рабочего и крестьянина еще более невыносимо, чем во время царизма». И дальше:
«Я предлагал бы посвятить еще несколько лет жизни работе на пользу рабочего дела, но если, однако, вы приговорите меня и смертной казни, я постараюсь встать у столба и погибнуть с такой же честью, с какой всегда боролся».

Приговор буржуазии был выслушан польскими товарищами с полным спокойствием, с улыбкой на устах. Такая спокойна и мужественно ими была встречена и сама смерть.

— Долгой буржуазии! Да здравствует социальная революция! Да здравствует рабоче-крестьянская советская Польша! Да здравствует коммунистическая партия Польши!— было их ответом на приговор и казнь.

Эти предсмертные слова глубоко врежутся в память польских трудящихся. Это—знамя борьбы! Это приговор над буржуазией!
Правительственный террор в Польше свирепствует. Готовятся новые расправы над рабочими, готовятся расправы над вождями польских трудящихся—Лануцини.

Протестуйте против белого террора, против панских палачей. Протестуйте против предательской работы польских меньшевиков потворствующих буржуазии в ее расправах!
Протестуйте! Все на улицу! Все на демонстрацию протеста!

Гибнер, Книевский и Рутковский расстреляны.

Последнее слово т. Гибнера.

Нынешняя Польша—государство черной реакции. Если вы меня расстреляете, я сумею умереть, также стойко как и бо... лся.

ВАРШАВА, 21 августа. После зачитки Рудзинского, указанного, что он в своей защите руководится голосом совести, который заставляет его признать, что в данном случае не было обдуманного покушения на польских, и что дело должно быть передано общеправовому суду, пронаеся речь защитника Духа, подтвердив, что если сложить количество мест категории тюрьмы по всем провинциям в независимой Польше, то таковое превысило бы цифрой парское время и сделал подробный анализ событий 17 июля защитник объявляет, что казни

чати появились, как ему сказали, не совсем точные сведения и он просит Саму товскую передать советской печати точные данные. Далее Гибнер говорит, существующая теперь Польша является буржуазным государством.

мертвой тщи не всего злая, посл... чего суд в составе председателя Чиниского, членов Хиперского и Ризаберского объявил приговор, на основании которого Гибнер, Рутковский и Книевский лишены всех прав и состояний и приговорены к расстрелу. Все обвиняемые выслушали приговор с полным спокойствием, при чем Гибнер иронически улыбался. Обменявшись рукопожатиями с защитниками приговоренные под усиленным конвоем пошли хромая в комнату арестованных где попрощались с родственниками, успокаивая плачущих отца и мать

Гибнер.

Книевский.

Рутковский.

«В том, в котором положение рабочих и крестьян еще более невыносимо, чем во время царизма. Слова прокурора о минимуме свобод трудящихся в современной Польше являются не верными, ибо прокурору хорошо известно, что нынешняя Польша—государство черной реакции. В этом месте председатель прервал Гибнера, заявив, что не позволю говорить о том, какой является Польша. Гибнер продолжил: «то, что теперь происходит в Польше...» председатель снова прерывает «об этом говорить не разрешаю. Дальше тов. Гибнер говорит: Я предпочел бы посвятить еще несколько лет жизни работе на пользу рабочего дела, но если, однако, вы приговорите меня и смертной казни я постараюсь встать у столба и погибнуть с такой же честью, с какой всегда боролся».

Рутковский от последнего слова отказался. Книевский заявил, что счастлив себя вознмать в попытке убийства польских и что ничего больше и казанию добывать не имеет.
Речь Гибнера была произнесена необыкновенно ровным, спокойным голосом, с величайшим сознанием собственной правоты и достоинства, при

Рутковского. Затем под конвоем нескольких десятков полицейских, в сопровождении главных полицейских чиновников, ехавших впереди заповозкой на 8 автомобилях приговоренные были быстро доставлены в Варшавскую тюрьму. Ослепая демонстрация приговоренных везли в тюрьму по своему пути и цитадели были выставлены сильные патрули. По дороге и цитадели приговоренные пели революционные песни. Ввиду появления на многих улицах города красных знамен с надписями: «Слава героям Гибнеру, Рутковскому и Книевскому» с раннего утра были мобилизованы все полиция и агенты охранники для беспрестанного обхода улиц. В рабочих кварталах с целью недопущения демонстраций разезжались в полной боевой готовности бронированные автомобили.

Президент отказался принять защиту.

Буржуазия сделала все, чтобы коммунисты были казнены.

ВАРШАВА, 21 августа. Выясняется, что намеревавшийся обратиться к президенту с устной просьбой о помиловании приговоренных защитники поехали в Белведер, с целью просить по телефону о принятии их президентом. Во время разговора телефон перестал действовать, ввиду чего не добившись ответа защитники немедленно отправились на автомо-

биле в Спалу (местопребывание президента) находящуюся на расстоянии около 75 километров от Варшавы. Прибыли в Спалу защитники не были приняты президентом, как им объявлено и потому, что президент нездоров. На обратном пути в Варшаву автомобиль испортился, вследствие чего защита не успела прибыть к моменту казни.

царский военный суд, приговоривший к смертной казни боевика члена ППС Оксегойна нашел в себе столько смелости, чтобы просить тогдашнего генерал-губернатора о помиловании.

После речи прокурора председатель предоставил последнее слово тов. Гибнеру. Отвечая прокурору Гибнер заявил, что когда к нему явились представителиница Российского Красного Креста Самылаевская и спросила правды ли, что они были подвергнуты в больнице заболеванию Гибнер ответил, что его били тот час же после поминки когда он не мог двигаться, при чем забвение происходило как на месте поминки, так и в участке. Были кабуланы вообще чем-то, по голове, лицу и вену тупо и при этом ударами сильными ему ребра. В больнице Гибнера не били, Гибнер сообщил это Самылаевской ввиду того, что в советской пе-

